

ТВОРЧЕСКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

В. Н. Володин

(Самарский государственный аэрокосмический университет)

Сыграть на чужом поле сегодня, пожалуй, не искушение тщеславием, а осознанная необходимость.

Одно из определений человеческой природы принадлежит русскому инженеру и теоретику инженерного творчества П. К. Энгельмейру: человек – это инженер, т.е. создатель искусственных форм, артефактов. (Другое, для оценочного сравнения, – К. Линнею: человек – это животное без перьев, курящее табак). В основе такой посылки лежит представление об опосредствующем характере деятельности человека (Л.С. Выготский), начиная с языка и искусственных языков и различного рода орудий – посредников. Г. В. Ф. Гегель связывал эту особенность с хитростью разума, видя в ней могущество разума и его продукта – знания.

Органической предпосылкой такого характера жизнедеятельности является, на наш взгляд, боль как психическое состояние, «ценнейшее приобретение эволюции животного мира». Стремление избежать непосредственной боли могло способствовать созданию искусственной прослойки между органическим телом и внешней средой. С развитием культуры сформировалось представление о душевной боли (забота гуманистики в целом). У Аристотеля раб – это говорящая вещь, именно вещь, ведь вещь не чувствует боли. Такое определение было удобно для рабовладельца, поскольку избавляло его от мук совести. Возможно, нелишне будет вспомнить, что Христос не просто умирал на кресте, а умирал с жуткой неотступной осознаваемой болью, а Иуда, не вынеся приступов душевной боли, добровольно ушел из жизни. Этот бинарный опыт человеческих типов (неважно, были ли они реальными или персонифицированными измышлениями) представляется симптоматичным и сегодня.

Историческая психология (направление в теоретической психологии) рассматривает развитие психических функций человека под углом зрения его творений в сфере искусственного, т.е. с точки зрения результатов его продуктивной деятельности. Еще К. Маркс говорил, что развитие мирового рынка приведет к потребности в развитии такой общей способности как творчество. В ситуации неопределенности, вызванной даже случайными (по меркам математической теории вероятности) факторами, в ситуации с запаздывающей прогностикой и с вечной нехваткой «времени на» – в появлении новейших образовательных технологий нет ничего необычного и неожиданного.

Образованию как социальному институту столько же лет, сколько лет человечеству. Особенность сегодняшнего дня видится в том, что основным

объектом образовательных воздействий становится сам человек как культурный и исторический артефакт. С точки зрения технологической рациональности (пожалуй, ведущей сегодня формы рациональности) принципиальное значение приобретают средства и методы получения планируемого эффекта. Идея посредничества сохраняется и здесь («менеджер», «мессенджер»=посредник).

В «эпоху всеобщей делаемости» (Г. Маркузе) тотальной экспансии технологической установки, пожалуй, уже не избежать. Но и здесь есть свои проблемы и свои резервы, если исходить из ключевой задачи: научить учиться.

По данным научно исследовательского института возрастной физиологии Акад. пед. наук России выделяют три аспекта: генетическая предрасположенность к той или иной деятельности, собственно образовательная система со своей дидактической методической, педагогической культурой и востребованность и оценка социумом результатов личностной деятельности. Первая составляющая органически складывается уже к периоду половозрастного развития (а в некоторых моментах еще раньше) - период формирования понятийного мышления (к 13 годам). Образовательная задача на втором этапе – это задача обнаружения и наполнения конкретным предметным содержанием органических предпосылок. Здесь лежит начало сотворения себя самим индивидом, начало его самости и субъективности, его самосознания и практической рефлексивности.

Строго говоря, в успехах на всех трех этапах мы видим важнейший резерв сохранения и развития совокупного интеллекта социума в решении как текущих задач, так и выживания человечества в целом; способность творить сродни не возобновляемым природным ресурсам. И здесь далеко не все обстоит благополучно: уже нельзя надеяться на то, что все образуется само по себе. В естественно – историческом социокультурном процессе акцент смещается ко второй составляющей.

Уже на основании наших знаний о функциональной асимметрии полушарий головного мозга человека можно сделать вывод о четырех поведенческих и мыслительных стратегиях: эксперт, организатор, коммуникатор, стратег. Высокие числовые показатели в двух или более позициях свидетельствует о выдающихся качествах личности (М. Жозев – Шалвен). Человеческий мозг - полифункциональная система форм, поэтому ранняя специализация, особенно насильная, без широкой междисциплинарной основы - просто неустойчивое и недолговечное образование. В нас уже заложены органические предпосылки бинарности и диалога.

Из десяти уровней психики человека (от ощущений до коллективного бессознательного) только ощущения, мышление, интуиция, чувства относятся к эктопсихике, остальные – к эндопсихике. Даже в мышлении не все может быть представлено в логической форме. Содержательные мыслительные формы, категории или всеобщие понятия в системе, именуемой первоначально диалектикой, являются абстрактным продуктом диалога, т.е. живой речи (М. Бахтин).

Вместе с тем закономерности эндопсихики существенны с точки зрения психической энергетики. Коллективное бессознательное (родовое,

общечеловеческое образование) не только является основой самости, индивидуальности и творчества, но и в неуправляемой форме разрушительной силой, прорывающей и искажающей все лежащие над ним пласты (инвазии феномен, К. Юнг). И. Валлерстайн определил психоанализ как скрытый вызов современной рациональности.

Р. Мэй, один из основателей экзистенциального анализа, считает что «бессознательное» не должно восприниматься только как резервуар для импульсов мыслей и желаний, неприемлемых в данной культуре (класс, психоанализ).

Возможности, которые индивид не может или не хочет актуализировать, т.е. проблема человеческого бытия в отношении его собственных возможностей, принятие своей доли ответственности за свое бытие, отказ от нее – тоже приводит к вытеснению со всеми последствиями.

Есть еще одна трудность, встающая перед образовательной технологией. А. Ухтомский связывал эти трудности с общением людей друг с другом. Есть Двойник и Собеседник: первая позиция непродуктивна, вторая напротив может инициировать творческие способности и осознание экзистенциальных задач. Об этом стоит сказать и потому, что преобладающей идеологией образования остается все же индивидуалистическая установка. Преобладает монистическая и плюралистическая установка, диалогизм так и не получил должного развития. Но нам представляется, что и диалог не является универсальной порождающей структурой, здесь напрашивается неологизм «полилог» как системный, множественный и многокачественный диалог.

Таким образом, вероятно, будет уместен вывод о том, что эффективная образовательная технология должна быть более мощным междисциплинарным образованием, включающим в себя специальные научные и организационные проекты, т.е. обладать системным качеством.

Общесцивилизационная тенденция к росту опосредованности и опосредствованности все более отдаляет и разделяет органические и искусственные сферы. И здесь возможны два направления развития. Образовательные технологии могут привести к современному виду догматического и спекулятивного разума – а могут - к специфической форме игры, потеснив реальность боли, телесной и душевной.

Избавиться, однако, навсегда от нее не удастся. Но возможно сползание к мягким психическим состояниям, например, к скуке, этой своеобразной паузе в бытии человека.